Лариса Алексеевна Козлова
кандидат философских наук,
доцент, Институт социологии РАН,
зав. сектором социологии науки,
зам. главного редактора «Социологического журнала

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНТОВАЯ ПОДДЕРЖКА В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Возможно, читателям альманаха, представляющим различные дисциплинарные области, а также сотрудникам российских научных фондов было бы небезынтересно узнать об опыте грантовой поддержки общественных наук. Проработав длительное время в академическом институте общественнонаучного профиля и занимаясь социологическим изучением науки, автор имеет возможность поделиться таким опытом — и как исследователь, и как грантополучатель.

Общеизвестен факт, что наука в результате российских социально-экономических реформ середины 1980-х — начала 1990-х годов оказалась в более бедственном положении, чем многие другие типы производства[1]. Особенно снизились позиции фундаментальных общественных наук, поскольку они не приносят государству прямой экономической выгоды. К тому же ослабла идеологическая роль обществознания, в которой оно было наиболее востребовано в советский период. Однако, несмотря на хроническое недофинансирование и низкий уровень официальных доходов, сокращение количества ученых, другие очевидные проблемы, общественные науки выживают, пожалуй, лучше, чем естественные или технические, не снижая, а, может быть, и повышая свой интеллектуальный потенциал. В числе указывающих на это признаков главные — увеличение количества публикуемых книг и статей, профессиональных журналов, заметное расширение тематического репертуара изданий, применение новых информационных средств и технологий, активизация связей с зарубежной наукой, включая международные исследования, систему научных обменов и стажировок. Оговоримся, что все это в первую очередь относится к академическим центрам — Москве, Санкт-Петербургу, Новосибирску и др., но аналогичная тенденция заметна и в региональной науке. Как объяснить указанный парадокс постсоветских общественных наук?

К началу 1990-х годов правительство реформ было вполне осознанно ориентировано на разрушение административно-командных форм организации науки, почти ничего не предлагая взамен. Проблема заключалась не столько в ограниченности ресурсов, «недофинансировании» научного сектора, сколько в сохранении старых форм

---

[1] Например, по данным Е.З. Мирской, обследовавшей в 1994—1998 годах три ведущих естественнонаучных института РАН, около 79 % научных сотрудников (автор относит их к элите) определили ситуацию в науке как критическую, а в своем научном подразделении критической назвали ситуацию 40 % опрошенных [1, с. 966].

бюджетной поддержки, которые не только не обеспечивали ученых финансово, но и ограничивали их свободу и инициативность в изменившихся социально-экономических условиях, девальвировали ценность научного труда. Особенно это затронуло общественные науки, производящие интеллектуальную продукцию, не имеющую прямого отношения к военно-промышленному комплексу. В академическом секторе науки, где осталось немногим больше 400 учреждений, возник позиционный конфликт между институциональными нормами и невыполнением государственных обязательств перед наукой. А.В. Юревич и И.П. Цапенко имеют основания связывать кризис профессионального самосознания российских ученых с когнитивным диссонансом [2, с. 25].

Преодолению этого диссонанса способствовало изменение государственной политики в сфере финансирования фундаментальной науки, которое дало обществоведам дополнительную профессиональную и личностную свободу, дополнительные стимулы к выживанию. Мы имеем в виду возникновение в начале 1990-х годов новой по российским меркам формы бюджетного финансирования — перераспределения финансов через государственные научные фонды, адресной поддержки перспективных исследовательских проектов. Наиболее важным положительным следствием стало ослабление государственно-административного влияния, выражающегося в автаркии и патернализме, тенденция к финансовому и профессиональному самоопределению в сфере интеллектуальных услуг. Помимо прочего, эта тенденция выразилась в создании климата личной инициативы и ответственности научных сотрудников за собственное материальное и профессиональное благополучие. Возник относительно эффективный способ функционирования в науке, предотвративший полную маргинализацию научного сообщества. Значительная часть обществоведов все же покинула поле научной деятельности[2]. Те же, кто остались в науке, оказались наиболее способными принять новые правила игры. Несмотря на слабую оплату труда, другие проявления социальной и профессиональной неустроенности, в общественных науках в начале 2000-х годов установилось некое стабильное сообщество, некая «норма социальной аномии», по Р. Мертону. В числе других преобразований не последнюю роль в этом, на наш взгляд, сыграло возникновение грантового пространства — в первую очередь в связи с созданием внутри научного сообщества климата творческой свободы и самоуважения. Однако это

[2] Для иллюстрации приведем следующее сравнение: в течение 1997—1998 годов общее количество исследователей сократилось на 8,3 %; в естественных науках этот показатель составил 7,0 %; в сельскохозяйственных — 9,3 %; в технических — 9,4 %; в медицине количество исследователей увеличилось на 3,2 %. Кадровый состав общественных наук сократился в наибольшей степени — на 11,3 % от общего числа исследователей, в том числе: в социологии — на 13 %; в педагогических науках — на 11,6 %; экономике — 11,3 %; политических науках — на 9,6 %; юридических науках и психологии — более чем на 7 %. Состав исследователей, работавших в гуманитарных науках, сократился меньше — на 5,1 % [3, с. 110].

новшество нельзя трактовать однозначно, так как оно затронуло самые различные стороны профессиональной жизни ученого — от материального выживания до результативности производства научного знания. К тому же с разных позиций реализация грантового финансирования выглядит по-разному.

Попробуем рассмотреть грантовое пространство со структурной точки зрения. В нем можно выделить три основных элемента: ***государственная политика*** в сфере финансирования науки, ***грантополучатели*** и опосредующее звено — «***грантодатели»***, или организации (фонды, институции), занимающиеся распределением денежных средств. Каковы смысл и характер участия каждой из выделенных сторон в грантовой деятельности, отношение к ее процессу и результатам? Мы ограничимся рассмотрением взаимодействия российских фондов с фундаментальными общественными науками, представляющими академический сектор.

Государственная политика в сфере финансирования науки и бюджетные фонды. Хотя государство является главной силой, определяющей политику в сфере науки, деятельность его неоднородна. Можно различить несколько основных инстанций, руководящих фундаментальной наукой, каждая из которых отличается от других пониманием сути, организации и результатов научного производства. Имеются в виду Министерство науки, Российская академия наук и государственные научные фонды, крупнейшие из которых — Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). Кроме них, с начала 1990-х гг. в России действуют десятки российских[3] и зарубежных[4] научных фондов,

---

[3] Помимо РФФИ и РГНФ, в России действуют следующие конкурсные комиссии, имеющие отношение к общественным наукам и получающие средства из госбюджета: Гранты президента РФ, Конкурсы Российской академии наук для молодых ученых и студентов вузов, «Университеты России — фундаментальные исследования». Подробнее их работа рассматривается, например, в статье Л.А. Козловой «Изменение структуры финансовых инвестиций и личных доходов в российских социальных и гуманитарных науках» [4, с. 355—363].

[4] Охарактеризуем некоторые из наиболее известных: ***Институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса).*** Международная благотворительная организация, учрежденная финансистом и филантропом Дж. Соросом. Фонд инициирует и поддерживает программы в области образования, культуры и искусства, здравоохранения, гражданских инициатив, способствующие развитию идей и механизмов открытого общества. Московское представительство открылось в 1992 году, имеются отделения в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Новосибирске. В России этот фонд был наиболее популярным среди зарубежных. ***Фонд «Евразия»*** — американская благотворительная организация, созданная в 1993 году с целью поддержки экономических и демократических реформ в странах бывшего СССР. Среди приоритетных направлений — образование и исследования в области экономики, разработка учебных курсов по экономике и методических пособий программы по обеспечению доступа населения к пользованию сетью Интернет. ***Фонд К. и Дж. Макартур*** — оказывает содействие группам и частным лицам по четырем основным направлениям: право и общество, права человека, окружающая среда и общество (устойчивое развитие), мир и безопас-

однако далеко не все из них поддерживают социальные исследования.

В числе «базовых постулатов реформы» науки Б.Г. Салтыков отмечает создание юридических основ и экономических механизмов обеспечения свободы научного творчества, равного доступа к информации и другим ресурсам [6]. Все это, по мнению реформаторов, могло обеспечить «условия состязательности, конкуренции и создать систему вневедомственной, по возможности объективной оценки идей, результатов и т. п.». В первой половине 1990-х годов в рамках новой государственной политики обнаружилось ощутимое противостояние РАН и Министерства с одновременным созданием РФФИ и РГНФ, которые начали самостоятельно финансировать научные исследования академических сотрудников. Российский фонд фундаментальных исследований был создан в 1992 году Указом Президента и Постановлением Правительства РФ. Он получил статус самоуправляемой государственной организации для грантовой поддержки отечественных ученых. В 1994году из него выделился Российский гуманитарный научный фонд, сосредоточивший свою работу исключительно на социальных и гуманитарных науках.

По свидетельству Б.Г. Салтыкова [6], идеология российских научных фондов — это идеология свободы и справедливости, огромный шаг вперед по сравнению с тотальной ведомственной схемой распределения ресурсов. Каждый исследователь, независимо от статуса, может подать заявку, быть оценен на основе экспертизы peer review, пройти соревнование и получить дополнительные к базовым денежные средства. Конечно, реальная деятельность фондов не гарантирует от столкновения интересов и нарушения справедливости. Однако здесь важно само введение нового для российской науки принципа финансирования, что, как отмечалось, стало одним из важных факторов, уберегших обществоведов от маргинализации, разрушения сообщества.

ность. ***АЙРЕКС*** — Совет по международным исследованиям и обменам. Осуществляет программы поддержки сотрудничества между США и странами Центральной и Восточной Европы (экономика, политология, история, социология. ***Фонд «Британская инициатива»*** — поддерживает программы в области преподавания, в том числе английского языка, исследования в сфере социальных и гуманитарных наук. Имеет 243 представительства в 110 странах мира. ***Московский общественный научный фонд (МОНФ)*** — присуждает гранты молодым научным сотрудникам до 40 лет (примерно 160 человек в год). Финансируется преимущественно из Фонда Форда и других западных фондов. ***Фонд Спенсера*** основан в 1968 году, поддерживает проекты в области образования. ***Центральный Европейский университет*** — частное международное учебное и научное учреждение (фонд Сороса). Поддерживаются научные исследования в области гуманитарных наук преимущественно по проблемам Центральной и Восточной Европы. Среди наиболее значительных и популярных зарубежных фондов, работающих в России, следует назвать также ***Фонд Карнеги, Фонд НАТО, ИНТАС, Фонд Гумбольта, Фонд Эберта, Фонд Форда, Фонд Фольксвагена, Фонд Аденауэра, Американский фонд гражданских исследований и развития (CRDF), Программа Фулбрайт по обмену учеными***. Работа зарубежных фондов в России анализируется в статье И.Г. Дежиной «Тенденции и результаты зарубежного грантового финансирования российской науки» [5].

Науки, в особенности фундаментальные общественные, не являются приоритетным направлением деятельности государства, оттого бюджетные ассигнования в них имеют чисто символический характер. Но это только одна сторона дела. Отношение государственных органов — Министерства, казначейства и др. — к этим наукам можно определить как формальное. Они выступают в качестве посредников между государственным бюджетом и научными коллективами, причем их посредничество не всегда связано с компетентным выполнением функций. Проблема в том, что они не учитывают специфику науки, приравнивая ее к другим типам производственной деятельности. В результате денежные ассигнования выделяются главным образом на заработную плату, а все «орудия труда» (компьютеры, аудио- и видеотехнику и т. п.) научный сотрудник приобретает на собственные или дополнительные (грантовые) средства. Социальные науки здесь, конечно, находятся не в самом трудном положении, но и их специфику следует учитывать. По данным социологических исследований, проведенных Е.З. Мирской, ученые считают, что необходимо сократить число посредников между источниками бюджетного финансирования и научными коллективами. «Схема прохождения денег через казначейство, совершенно не учитывающая специфику науки, — пишет Е.З. Мирская, — сводит на нет даже те скудные возможности, которые дает бюджетное финансирование. Жестко предписывая статьи расходов (обычно только на зарплату или, что еще хуже, — на какие-то загадочные статьи, абсолютно не применимые к научной деятельности), эта схема фактически останавливает исследования, вынуждая оплачивать штатные должности вне всякой связи с результатами работ» [1, с. 968]. Так вот, РФФИ и РГНФ — это те государственные инстанции, которые при перераспределении бюджетных средств учитывают специфику науки как особого производства. Не случайно Мирская предлагает бóльшую часть бюджетных средств, выделяемых на науку, направлять на целевое финансирование исследований и распределять через программы и гранты российских научных фондов, тем самым несколько ограничивая посредническое вмешательство государственных органов.

В государственной политике, строго говоря, собственно «наукой» считаются науки естественные и технические, способные производить реальную научно-техническую продукцию, принося прямую коммерческую выгоду и усиливая военно-промышленный комплекс. На их подъем направлены многочисленные отраслевые и ведомственные государственные программы. Общественные науки пока что являются инструментом, важность которого не вполне оценивается государством в лице его властных структур, в том числе и Министерства науки. (По их финансированию даже не ведется отдельная государственная статистика.) В этом выражается, как считает А.Т. Бикбов, незаинтересованность государства в овладении «техниками символического господства», которые могут предоставить общественные науки [7, с. 202]. Таким образом, для этих наук гранты РГНФ и РФФИ (по разделу «Науки о человеке и обществе») были и остаются основной формой дополнительной оплаты труда, доступа к научным коммуникациям и информационным технологиям.

Еще одним «спасательным кругом» стала принципиальная ориентация РГНФ и РФФИ на получение нового знания, а не на достижение экономической эффективности, которая ожидается от науки ее Министерством. Фонды поддерживают не приоритетные направления, что для Министерства является залогом экономической окупаемости, а зарекомендовавшие себя научные школы и коллективы, отдельных ученых. Для фундаментальной науки, к которой частично принадлежит обществознание, неприемлема идеология научных приоритетов, экономической эффективности: они просто-напросто выпадают из этой идеологии. Научные фонды в каком-то смысле здесь выступают антиподами основной государственной политики, оберегающими и поддерживающими фундаментальные исследования в сфере общественных наук.

К проблемным зонам деятельности государственных фондов традиционно и справедливо относят недостаточность ассигнований. Ведь фактически они располагают всего лишь небольшой долей средств, выделенных бюджетом на науку, и объемы этих средств в денежном выражении напрямую зависят от базового бюджетного финансирования. Между тем неприоритетность социальных и гуманитарных наук сделала их бюджетное финансирование более неблагоприятным, чем в целом по науке. Его уровень всегда был ниже по сравнению с техническими и естественными науками. Кроме того, отметим, что фундаментальные науки также по уровню государственных ассигнований невыгодно отличаются от прикладных исследований и практических разработок. Фундаментальные социально-гуманитарные исследования финансируются по остаточному принципу — через научные организации министерств и ведомств и бюджетные научные фонды, как отмечалось, по разделу федерального бюджета «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу». Расходы из федерального бюджета на науку заметно сокращались. На общем фоне наиболее неблагополучны в этом отношении «Фундаментальные исследования» (по сравнению с наукой в целом и гражданской наукой): доля ассигнований в них, претерпев видимые колебания, сократилась в наибольшей степени [см., например: 8, с. 46].

Итак, к сожалению, грантовая поддержка российских фондов не влияет на общий объем финансирования, а сводится к целевому перераспределению денежных средств. Хотя уровень целевых ассигнований бюджетных фондов по разделу федерального бюджета «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» с 1993 по 2000 г. возрос в три раза (с 2,58 % до 8,0 %)[5], возрастал он и позже, доля этих бюджетных ассигнований, выделяемых из той же «копилки», в общем объеме финансирования социальных и гуманитарных наук не превышала 7 % в год. Такая же ситуация сохраняется и

---

[5] Сюда вошли суммарные данные по Российскому фонду фундаментальных исследований, Российскому гуманитарному научному фонду и Фонду содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Последний поддерживает научно-технические проекты; плановый годовой объем его финансирования — 1 % федерального бюджета на науку [8, с. 47].

по сей день. Увеличение объемов бюджетного финансирования фондов[6] из-за инфляции, по-видимому, фактически не меняет картину.

Итак, роль открывшихся российских фондов в системе государственной политики определяется тем, что они привнесли альтернативную — грантовую — форму бюджетной оплаты труда в науке. Эта форма учитывает специфику научного производства, она направлена на поддержку наиболее результативных ученых, а значит и целых дисциплинарных сфер. Особенно это важно для поддержки обществоведов, работающих в области фундаментальных исследований, поскольку их деятельность оказалась наименее востребованной и наиболее отдаленной от новых форм экономического сотрудничества. Грантовая поддержка также способствует расширению научных контактов обществоведов внутри страны и за ее пределами, увеличению компьютерного парка. Она принесла с собой элементы интеллектуальной свободы, хотя и не обеспечила материального благополучия ввиду недостаточных бюджетных ассигнований. Стабилизационная тенденция в социальных науках определилась не вследствие увеличения бюджетного финансирования, а, скорее, в результате формирования нового интеллектуального климата и системы обмена между академическим сообществом и рынком интеллектуальных услуг.

«Грантодатели». К ним мы отнесем основные государственные фонды, поддерживающие фундаментальные общественные науки, — РГНФ и РФФИ, а также — условно — организации бюджетной сферы, то есть академические институты, куда поступают грантовые средства. Начнем с первых, кратко охарактеризовав их деятельность в части поддержки общественных наук[7]. Приведем некоторые цифры.

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). Впервые официальное предложение о его организации поступило в 1986 году [12, с. 9], однако не было поддержано, поскольку финансирование науки в полном объеме шло через ведомственные каналы. Создан в апреле 1992 года указом Президента России. Является государственной, но самоуправляемой организацией, то есть не подчиняется никакому ведомству.

Фонд поддерживает фундаментальные исследования, относящиеся к естественным и техническим областям знаний, а также науки о человеке и обществе, то есть социальные и гуманитарные исследования, хотя доля их финансирования уступает всем остальным. Поддерживаются следующие типы проектов: инициативные научные, издательские, региональные, гранты молодым ученым, поддержка ведущих научных школ, программа развития библиотек, программа развития сети научной телекоммуникации, гранты Президента Российской Федерации, совместные международные проекты.

---

[6] Например, общая сумма бюджетного финансирования РГНФ с 717 000,0 тыс. руб. в 2006 г. [9] выросла до 890 000,0 тыс. руб. в 2007 г. [10]; финансирование РФФИ за то же время выросло с 4 283 241,7 до 5 340 000,0 тыс. руб. [11].

[7] Более подробная информация об этом содержится в указанной статье [4].

Среди грантополучателей преобладают представители академической науки. Ими могут быть как коллективы, так и индивидуальные исследователи. Каждый проект анонимно рецензируют два независимых эксперта, результаты их работы рассматриваются соответствующей секцией Экспертного совета. Окончательное решение о распределении грантов принимается на пленарном заседании Совета фонда. Обычно поддерживаются примерно 20 % от общего числа заявок, что обусловлено не их низким качеством, а ограниченностью финансирования. За время работы фонда объем его финансирования увеличился с 3 до 6 % федерального бюджета на науку. Финансовые квоты по наукам распределяются пропорционально поступившим заявкам. Эти квоты по «Наукам о человеке и обществе» — самые малые (несмотря на работу РГНФ, диспропорция между финансированием естественных и общественных наук сохраняется), они имеют колебательный характер и в течение нескольких лет распределялись следующим образом: 1999 г. — 5,1 %, 2000 г. — 4,8 %, 2001 г. — 5,1 %, 2004 г. — 5,5 %, 2007 г. — 4,3 % [см. соответственно: 13, с. 62; 14, с. 3; 15, с. 10; 11].

В 1999—2004 годы РФФИ профинансировал 1034 научно-исследовательских проектов по тематике «Наук о человеке и обществе», соответственно по годам — 165, 217, 179, 170, 154, 149. В 2006 году было поддержано 168 таких проектов. Среди научных дисциплин можно выделить экономику (в среднем ежегодно поддерживалось примерно 31 % от общего числа проектов, проходящих по рассматриваемому разделу), социологию (сюда же включены социально-этнографические, социально-демографические и социально-антропологические исследования; аналогичная цифра составила примерно 23 %), науковедение и историю науки (12 %), культурологию и историю культуры (10 %), философию (5 %), политологию (3 %) и междисциплинарные исследования по тематике социальных и гуманитарных наук (16 %).

Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Создан в сентябре 1994 года Правительством Российской Федерации. Это самоуправляемая государственная организация, цель которой — поддержка социально-гуманитарных научных исследований и распространение гуманитарных научных знаний в обществе. Все виды поддержки научных исследований осуществляются на конкурсной основе.

Фонд финансирует исследовательские и издательские проекты, проекты организации научных мероприятий, проведения экспедиций и полевых исследований, проекты развития научных телекоммуникаций и материально-технической базы гуманитарных научных исследований, проекты создания информационных систем, поездки российских ученых на зарубежные научные форумы, осуществляет целевую программу поддержки научных школ, проводит региональные научные и совместные международные конкурсы. РГНФ располагает уникальной базой данных по социальным и гуманитарным исследованиям в России, является учредителем бюллетеня «Вестник Российского гуманитарного научного фонда» и журнала «Науковедение» (ныне, к сожалению, прекратившего свою работу), выпускает «Аннотированный каталог научной литературы, изданной при финансовой поддержке РГНФ».

По данным фонда, на его конкурсы в 1995—2004 гг. поступило свыше 35 тысяч заявок, 14074 из них получили поддержку. Грантополучатели представляли более чем 800 организаций, расположенных почти во всех регионах России, однако до начала 2000-х гг. бóльшая их часть была сосредоточена в крупных научно-образовательных центрах, прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и некоторых других городах страны. Так, в 1997 году в число 15 организаций-грантополучателей, являвшихся лидерами по количеству поддержанных проектов и объемам финансирования, вошли московские и санкт-петербургские академические институты социального и гуманитарного профиля и издательство «Наука», а также Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Институт истории и этнографии СО РАН из Новосибирска. Абсолютным рекордсменом по тем же показателям стал Московский государственный университет, он даже не вошел в общий список лидеров. В 15 выделенных организациях в 1997 году выполнялось 809 проектов (то есть 27,9 % общего числа поддержанных РГНФ), на финансирование которых пошло более четверти всех средств фонда [16]. Постепенно ситуация изменяется, фонд активно содействует развитию науки в регионах, проводя конкурсы совместно с администрациями 32 регионов России, осуществляя бесплатную рассылку изданной фондом научной литературы в библиотеки всех субъектов РФ.

В указанный период поддержку РГНФ получили более восьми тысяч исследовательских проектов, опубликовано более трех тысяч научных изданий, проведено 482 экспедиции и 965 научных конференций, внедрено 395 проектов по созданию информационных систем, поддержано 1106 проектов по участию российских ученых в научных мероприятиях за рубежом, 249 проектов развития научных телекоммуникаций и материальной базы научных исследований.

Объем финансирования РГНФ составляет 1 % от федерального бюджета на науку ежегодно. Эта сумма руководителями фонда считается не достаточной для того, чтобы устранить диспропорцию между финансированием естественных и гуманитарных наук. Фонд ходатайствовал перед Правительством РФ об увеличении ежегодного объема финансирования до 1,5% от бюджетных ассигнований на науку. В 2000 году общий объем финансирования составил 159 267 тыс. руб., в 2006 г., как отмечалось, — 717 000,0 тыс. руб., а в 2007 г. — 890 000,0 тыс. руб. Максимальная величина гранта по индивидуальным исследовательским проектам в 2000 г. составила 30 тыс. руб., по коллективным — 105 тыс. руб.; в 2001 году аналогичные суммы соответственно равнялись 50 и 150 тыс. руб., в 2003 — 60 и 200 тыс. руб., в 2004 — 90 и 250 тыс. руб. Как правило, каждый год поддерживается 40—50 % от общего числа заявок, поступивших на конкурсы РГНФ.

Ежегодно объявляются конкурсы научно-исследовательских проектов по следующим дисциплинам: история, археология, этнография, экономика, философия, социология, правоведение, политология, социальная история науки и техники, науковедение, филология, искусствоведение, информационное обеспечение гуманитарных исследований, комплексное изучение человека, психология, педагогика, социальные проблемы медицины и экологии человека.

В 2002—2003 гг. соотношение поддержанных тем по дисциплинам практически сохранялось, варьируя (по сравнению с 2000 годом) в ту или иную сторону на 2-3 %. Так, в 2002 году всего было профинансировано 600 проектов (объем финансирования 53793 тыс. руб.), из них по истории, археологии и этнографии — 146 (24 % от общего числа поддержанных проектов), по экономике — 88 (15 %), по философии, социологии, политологии и праву — 148 (25 %), по филологии и искусствоведению — 115 (19 %), по комплексному исследованию человека, психологии и педагогике — 103 (17 %). В следующем году, когда было поддержано 620 проектов на общую сумму 68 200 тыс. руб., это процентное соотношение изменилось очень незначительно, зато на 20 тыс. руб. вырос объем финансовой поддержки одного гранта по всем научным дисциплинам, составив 110 тыс. руб. По сравнению с 2000 годом этот показатель вырос на 64 тыс. руб.

В период с 1999 по 2004 гг. среди научных дисциплин, входящих в рубрику «Философия, социология, правоведение, политология и науковедение», по числу поддержанных проектов традиционно лидируют философия и социология. Процентное соотношение между проектами, принадлежащими к различным дисциплинам этой рубрики, также из года в год сохраняется практически неизменным. За последние четыре-пять лет наметился некоторый рост числа профинансированных исследований по правоведческой тематике и сокращение — по политологической.

Приведя эти внушительные цифры, остановимся на том, как они достигаются. Вопрос распределения грантовых средств, как известно, — в работе фондов один из самых щепетильных. Автору этой статьи, не являющемуся их экспертом, довольно сложно в деталях представить святая святых — работу экспертных советов. Мы можем руководствоваться лишь немногочисленными источниками на эту тему (см., например, статью Г.С. Батыгина «Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта)» [17]) и личными расспросами членов экспертного совета.

В одном из интервью руководитель РГНФ Е.В. Семёнов разъяснил, что мировой опыт научных фондов показывает, что они дополнительно финансируют имена или идеи (финансирование институций относится к базовому). С именами, видимо, дело обстоит проще, чем с идеями. Как нам представляется, в связи с большими объемами работ РФФИ и РГНФ чаще всего ориентируются на партикуляристские критерии экспертизы как наиболее технически приемлемые. Например, в качестве аргумента может использоваться указание на принадлежность заявителя к научному коллективу, работающему под руководством известного ученого. По-видимому, учитываются соображения, связанные с полом, возрастом, региональной принадлежностью и иными формами представительства. Среди партикуляристских критериев можно назвать приоритет, связанный с актуальностью темы, точнее, с актуальностью социальной проблемы. К примеру, в репертуаре грантов РГНФ 2000—2002 гг. такие приоритеты прослеживаются вполне определенно: социальные конфликты, применение синергетики к анализу трансформаци-

онных процессов, политические процессы, бедность, алкоголизм. Некоторое исключение составляет раздел, связанный с историей науки и издательской работой.

Однако необходимо отметить, что приоритетная тематика не является результатом предписывающей деятельности отечественных научных фондов. Она определяется актуальностью, модой, конъюнктурой, престижностью или чем-то еще, что диктуется самой научной и общественной жизнью, а потому складывается достаточно стихийно. Фонд задает лишь общее актуальное направление. Например, в 2001 г. в качестве приоритетной РГНФ объявил тему «Изменяющаяся Россия»; ее же посчитал приоритетной и РФФИ, но уже для 2005 г. Так что российские ученые-обществоведы выбирают темы для представления на грантовую поддержку (по крайней мере, в российские фонды) по «зову сердца»[8].

Итак, экспертные комиссии, исходя из описанных партикуляристских критериев, оценивают не столько качество заявленной темы (ее научную глубину, содержательность, оригинальность, практическую эффективность и т. п.), сколько соблюдение формальных требований, предъявляемых к составлению заявки, и «качества заявителя». Сошлемся на экспертные наблюдения Г.С. Батыгина: «…гранты получают не авторы хороших исследований, а авторы хороших заявок… Если они известны в профессиональном сообществе, партикуляристские критерии экспертизы на их стороне, поскольку качество аппликационной формы не обсуждается — его замещает вера в авторитет. В моих записях есть следующее статистическое наблюдение: если качество аппликации низкое, а специалист известный, текст аппликации вообще не обсуждается, а если специалист неизвестный, дискуссия ориентирована на формулировки задач исследования и принимается проект, более оснащенный риторически и оформленный по всем правилам бюрократической науки» [17, с. 335]. В этом отрывке, не лишенном профессиональной проницательности, слышится и самоирония эксперта. В реальной работе экспертных советов, по-видимому, все определяется составом входящих в него ученых, тем, насколько они способны придерживаться правил научного этоса и, в частности, принципа «незаинтересованности», насколько для них безразличны критерии, выходящие за рамки собственно научных.

Иногда грантодатели могут руководствоваться не только оценками экспертов, но и политическими интересами, конъюнктурными соображениями. В таких случаях вероятнее всего их решения не смогут работать на основные идеи фонда. Вот какое наблюдение сделал К. Акопян: «Особый колорит в ситуацию с получением исследовательских грантов добавляет “ненавязчивое” желание “дающих” рассматривать организуемые на их деньги научные акции в качестве специфических *promotions*, служащих их же интересам. Неплохим средством такого рода могут стать всевозможные семинары, конференции, симпозиумы.

---

[8] О непредвзятости выбора можно судить по спискам тем, поддерживаемых российскими научными фондами и публикуемых на их сайтах.

Естественно, что для большей эффективности организуемых *promotions* при формулировке их тем необходимо учитывать множество “политических” и конъюнктурных моментов; поэтому чисто научная сторона дела нередко отходит на второй план. Кроме того, достижение требуемого эффекта оказывается практически невозможным в том случае, когда речь идет о фундаментальной науке» [18].

Думается, что большой методический опыт, наработанный фондами, компетентность экспертов и знание ими научного контингента в целом обеспечивают правильные ориентиры при выделении грантов. Тем более что постоянная ротация членов экспертных советов весьма осложняет практику лоббирования.

Наконец, деньги, выделенные фондом, попадают в бюджетный институт, из «рук» которого их получает окончательный адресат — научный коллектив или отдельный исследователь. На короткое время этот институт тоже становится «грантодателем» с вытекающими отсюда последствиями, которые не всегда запланированы в нормативных документах фонда. Речь идет о том, что до 20 % каждого гранта, полученного сотрудниками института от того или иного российского фонда, — это финансовый источник, использование которого, как правило, отдано на усмотрение «начальства». Нормативно эти средства должны идти на укрепление инфраструктуры, а реальное их использование может осуществляться по другому назначению. Прозрачности здесь, как правило, нет.

Грантополучатели. Это, конечно, индивидуальные исследователи и небольшие научные коллективы, то есть собственно научные сотрудники. Рассмотрим, как получение грантовых средств влияет на их материальное положение, способы функционирования в науке, социальное самочувствие, конечные результаты работы.

В отношении материального значения грантов мнения представителей естественных и общественных наук в основном совпадают. Для сравнения начнем с первых. Обратимся к данным, которые были получены Е.З. Мирской в ходе периодических мониторингов естественнонаучных институтов РАН — физического, химического и биологического профиля. В исследованиях 2001—2002 и 2003—2005 гг. было изучено отношение академических ученых к грантовой поддержке [19]. Выяснилось, что естествоиспытатели заинтересованы в ней довольно слабо — ввиду несоизмеримости реально выплачиваемых и необходимых средств[9]. Раздражение фиксировалось и у тех, кто получает

[9] Приведем красноречивый подсчет Е.З. Мирской: «Хотя фонды располагают заметными средствами и, с их точки зрения, много дают для поддержки лучших ученых, на местах все это выглядит совершенно иначе. Так, например, средний исследовательский грант РФФИ (обычно 5 человек, включая руководителя) в 2002 г. составлял 140 000 руб. Норма зарплатной части — 50%, а значит, остается 70 000 руб.; с учетом подоходного налога — 60 000 руб. в год, или 5000 руб. в месяц, а на одного человека — 1000 руб. Нетрудно видеть, что такой выбор масштаба зарплаты исключал какие-либо существенные покупки или командировки: «на все, про все» оставалось 12%, т. е. около 17000 руб. (50% — зарплата, 17,9% — начисления на зарплату, 20% — отчисления институту). В 2005 г. сред-

грантовую поддержку российских фондов, и у тех, кто ее не имеет. Причину Мирская видит в неудовлетворенности практикой реализации грантовой идеи.

Так, в исследовании 2001—2002 гг. большинство опрошенных (63 %) высказало пожелание повысить долю грантового финансирования до 10—20 % (а некоторые — и до 50 %) от бюджета на науку; 2/3 респондентов предложили увеличить размеры грантов, 1/3 — совершенствовать систему экспертизы, 17 % — увеличить количество распределяемых грантов; 27 % опрошенных естествоиспытателей и вовсе высказались за возвращение к распределению всех бюджетных средств через институты [19, с. 139].

По свидетельству Е.З. Мирской, углубленное интервьюирование руководителей и лидеров научных коллективов семи ведущих академических институтов естественно-научного профиля, проведенное в 2005 году, выявило мнение, что для сохранения системы финансирования через отечественные научные фонды необходимо значительно увеличить размеры грантов, причем не за счет сокращения их количества, а за счет повышения доли грантового финансирования в бюджетных средствах, выделяемых на науку. «В этом вопросе мнение руководителей и лидеров научных коллективов, непосредственно занятых исследовательской деятельностью, противоположно мнению руководства РАН, которое неоднократно заявляло, что считает существующую долю грантового финансирования оптимальной», — заключает Мирская [19, с. 139].

К сожалению, аналогичных исследований, выявляющих отношение обществоведов к грантовой поддержке, не проводилось. Из личного общения с коллегами автор может сделать вывод, что такое отношение менее пессимистично, и связано это вот с чем. Обществовед для получения качественных данных по своей дисциплине не нуждается в дорогостоящей аппаратуре, достаточно лишь обычной офисной техники. Ему не приходится испытывать фрустрацию от того, что результаты его научной деятельности находятся в прямой зависимости от наличия аппаратуры, опытных препаратов и т. п. Свой грант обществовед может потратить на заработную плату, научные поездки, приобретение литературы. Это вызывает субъективное чувство некоторой уверенности, которого лишен естествоиспытатель, хотя объемы финансирования не удовлетворяют обоих и не приводят к решению всех финансовых проблем. Например, работа многих социологических коллективов проигрывает в качестве из-за невозможности провести дорогостоящие массовые опросы.

Тем не менее для обществоведов поддержка российских фондов имеет не только моральное, но и материальное значение — особенно

ний размер коллективного гранта составляли 200 000—250 000 руб. При аналогичном расчете (с учетом снижения начислений на зарплату) средняя месячная зарплата возросла до 1400—1700 руб., а на все остальное — 34 000—42 000 руб. То есть рост грантовых выплат произошел, но реально он только скомпенсировал инфляцию» [19, с. 138].

для представителей теоретических направлений, которым почти невозможно совмещать основной научный интерес с приработками. Для иллюстрации обратимся к данным исследования профессионального сообщества, представляющего академический сектор общественных наук, которое было проведено в Институте социологии РАН в 2002 г. под руководством Г.С. Батыгина [20, с. 203—227][10]. В частности, выяснялась структура доходов. На вопрос «Вероятно, Вы хорошо представляете ситуацию в научном сообществе. Каковы, на Ваш взгляд, основные источники доходов обществоведов? Можно отметить несколько позиций» ответы респондентов распределились следующим образом: зарплата по основному месту работы — 76 %, гранты зарубежных научных фондов — 61 %, гранты российских научных фондов — 46 % (для сравнения: далее в порядке убывания следуют менее значимые пункты — плата за проведение исследований для отечественных заказчиков, вненаучная коммерческая деятельность, плата за проведение исследований по зарубежным заказам, маркетинг и реклама, переводы с иностранного на русский и с русского на иностранный, авторские гонорары). Таким образом, получение грантов в российских научных фондах по своей значимости для обществоведов стоит на третьем месте. Для женщин наиболее значима поддержка зарубежных фондов по сравнению с мужчинами (63 % против 58 %), а по отношению к российским фондам мнения поменялись местами: 44 % женщин и 48 % мужчин подчеркнули их значение как основных источников доходов. Выяснилось, что обществоведы в возрасте до 50 лет более приветствуют поддержку зарубежных научных фондов (на их значимость указали 62—65 % опрошенных этой возрастной категории, а на значимость российских фондов — 42—44 %). Те, кому старше 50 лет, примерно одинаково оценивают и ту и другую поддержку (соответственно 52 % и 50 % ответов) [20, с. 206, 221, 225].

Все приведенные распределения касались представлений научных сотрудников о структуре доходов в общественных науках и, в частности, оценки значения грантовой поддержки. По-видимому, на распределение ответов в обоих случаях (в зависимости от пола и от возраста) одновременное влияние оказывали два фактора — размеры грантов и их достижимость. Гранты российских фондов меньше по размеру, но более достижимы, чем западные, а западные, напротив, — более крупные, но менее достижимые. Думается, что эти два нехитрых критерия и сформировали некую абстрактную оценку ситуации, которая может отличаться от структуры личных доходов каждого респондента, хотя обе тенденции — абстрактная и реальная — структурно совпадают. Это вряд ли можно сказать о количественной стороне тенденций: хотя западные гранты и ценятся, их абстрактное значение превышает реальное.

В отношении своих доходов большинство ученых (около 80 %) отметили, что основную их часть они получают на основном месте работы [20, с. 206] (правда, нет полной картины, какая именно деятельность ведется ими на основном месте работы помимо выполнения непосред-

[10] Было опрошено 205 обществоведов из 25 городов России.

ственных функций). Среди них удалось выделить категорию тех, чьи доходы, как правило, одновременно связаны с получением грантов российских научных фондов. Однако 86 % опрошенных указали, что помимо основной работы по специальности они имеют дополнительные подработки (как правило, это преподавание и проведение исследований по заказам), которые приносят уже не основные, а эпизодические доходы [20, с. 204]. Иными словами, все, кто не имеет значительных заработков на стороне, стремятся получить гранты. Основной заработок плюс грантовая поддержка российских фондов — это и есть реальный доход обществоведов. Существует и еще одна корреляция: те, кто в принципе ориентирован на гранты, имеют опыт их получения как в российских, так и в зарубежных фондах. Но количественно зарубежные гранты значительно уступают российским.

Коротко остановимся на моральной стороне вопроса. В постсоветской науке возникла некая автономия, связанная с более свободным и творческим представлением о труде ученого. Появление грантовой поддержки провело некую «невидимую границу», как пишет Г.С. Батыгин, разделив представления обществоведов о личных достижениях в науке и статусной стратификации на два типа. Согласно первому, господствовавшему в советской науке, статус научного сотрудника определяется его положением в должностной иерархии, наличием ученых степеней и званий. Другой тип ориентирован на учет и признание личного научного вклада. Последний довольно адекватно измеряется качеством научных работ и авторитетом в научном сообществе. Конечно, оба типа идеальны и в жизни, как правило, смешиваются. Тем не менее грантовое пространство стало некой зоной профессиональных амбиций и риска: отказ в гранте нередко сопровождается личной обидой претендента, чувством недооцененности, а получение гранта повышает его самооценку. По наблюдениям Е.З. Мирской, уже в 1996 году статусная стратификация сотрудников стала определяться не должностной позицией, как это было институционально закреплено в советской науке, а индивидуальным научным вкладом. «По большинству индикаторов профессиональной успешности и признания, — пишет она, — показатели научных сотрудников оказались в целом выше, чем у руководителей подразделений. Это, конечно, не означало, что каждый научный сотрудник выглядел лучше каждого руководителя подразделения, но статистически (как подгруппа) они почти по всем видам профессиональной активности оказались выше подгруппы руководителей подразделений, т. е. в стратификационной структуре они поднялись над своим начальством» [19, с. 136]. В том же исследовании был выявлен «широкий спектр корреляций между наличием грантов и показателями профессиональной успешности и продуктивности ученых» [19, с. 139]. Для авторитета в науке стало мало формальных знаков отличия. «Доктор наук должен быть настоящим доктором наук, — пишет Г.С. Батыгин. — “Академик” уже не воспринимается как вершина научной карьеры. У научных сотрудников и преподавателей появились десятки более разумных инвестиционных решений в планировании биографии… и у академиков есть реальные основания жаловаться на неуважение “общественности”» [17, с. 328].

Появление грантовых возможностей обновило и расширило тематику обществоведческих исследований. Ученые стали писать заявки на проекты, отражающие их подлинные научные интересы, которые не могли входить в официальные планы НИР. Так, вырос уровень исследовательской активности в социальной теории. По свидетельству Е.В. Семёнова, в психологии и экономике активизировалась работа в сфере специальных теорий, а в социологии — общетеоретические исследования [21, с. 10—11]. О многообразии и новизне обществоннонаучных исследовательских тем (как теоретического, так и прикладного характера) легко судить по спискам поддержанных проектов, регулярно публикуемым российскими фондами.

Несколько слов о негативной моральной стороне. Несмотря на свободу в выборе исследовательских проектов, иногда сами исследователи вынуждены себя ограничивать. Это связано не с политикой российских фондов, а, пожалуй, с конъюнктурой научного рынка и с излишней технологизированностью научной работы. Отчасти эта технологизированность выражается и в деятельности по написанию заявок. Здесь существует два момента, первый из которых организационно-бытовой. Столь распространенная у научных сотрудников потребность искать дополнительные заработки повлияла на регламент их научной жизни. Поиски финансовых источников, деятельность по написанию заявок и формальных отчетов в фонды — новая составляющая хронометража профессиональной жизни в науке, которая отнимает значительную часть времени. В результате необходимости работать быстро, самостоятельно и на многих работах наблюдается профессиональный изоляционизм, пренебрежение коллективными формами научного труда, не всегда способствующие качеству и приросту научного продукта. Такие формы профессиональной кооперации неудобны и даже невозможны в условиях одновременного совместительства нескольких работ.

Второй момент, по-видимому, более значим, так как касается содержания научной работы. Поиски грантов сообщают новую мотивацию исследованиям: их результаты должны быть «продаваемыми», то есть желательно, чтобы под них можно было получить грант или заказ на исследование. Ориентированность ученых на «продажу» научных работ порождает эффект «привязанности», «приземленности» знания, боязнь выйти за рамки «продаваемого» тематического и концептуального «ассортимента», не получить дополнительное вознаграждение. В результате это может привести к исчерпанию накопленного ранее фундаментального знания. На эту проблему обратил внимание С. Кордонский, считающий, что некая близорукость в политике предоставления грантов (детали которой, правда, не расшифровываются) уже привела к тому, что механизмы и структуры воспроизводства знания изменились «вплоть до нефункциональности в собственно научных отношениях». «Процедуры верификации и фальсификации в технологизированной науке стали производными от процедур представления и продажи знания, — пишет Кордонский. — Главное — не получить новый результат и новое знание, а добыть деньги на продолжение работ и приобрести публичную известность, которая также может конвертироваться в гранты» [22, с. 76]. Нам трудно оценить ситуацию

в разных науках, но для наиболее близкой нам социологии такой вывод представляется преувеличением. Но, если С. Кордонский прав, проблема в ее институциональном измерении опять-таки упирается в недостаток денежных средств.

* * *

Каковы перспективы государственной грантовой поддержки? Фундаментальная наука в силу её специфики обречена оставаться в зоне бюджетного финансирования. Так устроены взаимоотношения между нею и экономикой, а следовательно, между нею и государственной финансовой политикой. Для улучшения положения фундаментальной науки как минимум требуется повысить экономический уровень страны. Поэтому на ближайшую и отдаленную перспективу речь может идти лишь о рационализации системы государственного финансирования и развитии новых форм государственной и негосударственной поддержки науки. Как пишет Е.В. Семёнов: «Чтобы обрести более надежную и естественную основу своего развития, чтобы уменьшить зависимость от изменчивых настроений властей, гуманитариям жизненно важно построить систему взаимополезных отношений с широким кругом институтов общества, научиться быть полезным обществу, а не только государству… Гораздо реалистичнее делать ставку не на иллюзию восстановления прежних, а на развитие *новых форм государственной поддержки науки,* в том числе на развитие системы государственных научных фондов…» [21, с. 8]. Помимо развития научных фондов, это может быть усиление целеориентированного распределения государственных ассигнований, а также привлечение внебюджетных средств, включая большой бизнес. Расширение форм финансирования предусматривается и реформой науки. Как этого добиваться в реальности — предмет социально-экономического исследования и управленческих решений[11].

Так, для В.Л. Тамбовцева и соавторов наиболее целесообразным представляется исключение из субъекта научно-технической политики государственных органов управления наукой и замена их договорными и кооперативными отношениями между государственными и негосударственными, коммерческими и некоммерческими организациями [24, с. 79—80]. В таком субъекте научно-технической политики, пишут они, роль государства проявляется двояко: «…во-первых, через установление общих “правил игры”, совокупности законов, определяющих порядок и условия взаимодействия субъектов научно-исследователь-

[11] Подробному анализу и систематизации основных инструментов и приоритетов бюджетного финансирования науки в России в их сопоставлении с международной практикой посвящена, в частности, недавно опубликованная книга И.Г. Дежиной «Механизмы государственного финансирования науки в России» [23]. В ней исследуются базовое бюджетное финансирование, финансирование в рамках федеральных целевых научно-технических программ, бюджетное финансирование через государственные научные фонды. Автор приводит перечень рекомендаций по оптимизации системы бюджетного финансирования науки.

ской деятельности, а во-вторых, через выделение бюджетных средств для финансирования — через систему некоммерческих фондов — фундаментальных научных исследований, тех или иных направлений, которые сочтет целесообразным финансировать само научное сообщество» [24, с. 80].

Что касается развития российских научных фондов, то здесь ситуация также неоднозначна. Возможное увеличение объемов их финансирования неизбежно приведет к дополнительному сокращению бюджета существующих институтов науки, так как выделение средств идет из общей «копилки». Для поддержки фундаментальных исследований единственным средством остается дальнейшее включение в отечественный и международный рынок интеллектуальных услуг в виде коммерциализации научного труда и расширения международных связей, в том числе грантовой поддержки зарубежных фондов. По данным социологического исследования, международные конкурсы не только поддерживают уровень доходов российских ученых, но и способствуют интеграции отечественной науки в мировую.

Несмотря на проблемы грантового финансирования, в заключение хотелось бы подчеркнуть их позитивную роль в сфере общественных наук:

— гранты — это новая система финансирования, влияющая на создание и поддержание климата творческой свободы, соревновательности и самоуважения;
— появление грантовых возможностей обновило и расширило тематику обществоведческих исследований. Ученые стали писать заявки на проекты, отражающие их подлинные научные интересы, которые не могли входить в официальные планы НИР, вырос уровень исследовательской активности в социальной теории;
— для общественных наук гранты российских фондов были и остаются основной формой дополнительной оплаты труда, доступа к научным коммуникациям и информационным технологиям;
— финансирование, осуществляемое российскими фондами, не связывается с приоритетностью тех или иных исследований по отношению к военно-промышленному комплексу, экономической эффективности. Финансируется производство нового знания, в том числе теоретического. Это особенно важно для поддержания фундаментальных общественных наук;
— РФФИ и РГНФ — это те государственные инстанции, которые при перераспределении бюджетных средств учитывают специфику общественных наук как особого производства. Как пишет Е.В. Семенов: «Благодаря фондам ученые могут апеллировать к научному сообществу, а не к административному начальству» [25, с. 36].

Литература

1. *Мирская Е.З.* Ученые академии наук в 90-х годах // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 11.

2. *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 25.
3. Труд и занятость в России: Статистический сборник / Госкомстат России. М., 1999.
4. *Козлова Л.А.* Изменение структуры финансовых инвестиций и личных доходов в российских социальных и гуманитарных науках, 1990 — начало 2000-х годов // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
5. *Дежина И.Г.* Тенденции и результаты зарубежного грантового финансирования российской науки // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3.
6. *Салтыков Б.Г.* Реформирование российской науки: анализ и перспективы // Отечественные записки. 2002. № 7.
7. *Бикбов А.Т.* Государство в научной проекции // Отечественные записки. 2002. № 7.
8. Наука России в цифрах: 2000. Статистический сборник. М.: Центр исследований и статистики науки, 2000.
9. Приложение 28 к Решению Совета РГНФ от 28 октября 2006 г. План распределения бюджетных средств РГНФ по видам деятельности — Смета расходов на 2006 г. // Вестник РГНФ. 2005. № 4 (41). С. 272—273.
10. Приложение 12 к Решению Совета РГНФ от 10 ноября 2006 г. План распределения бюджетных средств РГНФ по видам деятельности — Смета расходов на 2007 г. // Вестник РГНФ. 2006. № 4 (45). С. 259—262.
11. Бюджет РФФИ [online]. Дата посещения: 03.06.2007. URL: http: // www. rfbr.ru/pics/22135ref/file.pdf.
12. Государственные научные фонды в России: деятельность, проблемы, перспективы. Материалы «круглого стола», Москва, 25 октября 1999 г. // Науковедение. 2000. № 1.
13. Вестник РФФИ. 1999. № 1 (15).
14. Поиск. 3 марта 2000 г. № 9.
15. Поиск. 1 декабря 2000 г. № 48 (602).
16. *Семенов Е.В.* Академическая наука в конкурсах РГНФ // Поиск. 16—22 мая 1998 г. № 21.
17. *Батыгин Г.С.* Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
18. Акопян К. Шлягеризация науки // Отечественные записки. 2002. № 7 [online]. Дата обращения: 05.06.2007. URL: <http: // www.strana-oz.ru/ ?numid=8&article=415>.
19. *Мирская Е.З.* Государственные гранты как инструмент модернизации российской академической науки // Вестник РГНФ. 2006. № 3.
20. *Климов И.А.* Социальный состав и профессиональные ориентации российских обществоведов // Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
21. *Семёнов Е.В.* Современное состояние и новая роль гуманитарных и социальных наук // Общественные науки и современность. 1997. № 1.

22. *Кордонский С.* Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. 2002. № 7.
23. *Дежина И.Г.* Механизмы государственного финансирования науки в России. М.: ИЭПП, 2006.
24. *Тамбовцев В.Л., Елисеев А.Н., Макарова Н.Н.* Институциональный анализ науки. М.: Теис, 1997.
25. *Семёнов Е.В.* Российский гуманитарный научный фонд — финансист и культуртрегер // Социологические исследования. 1995. № 3.